

Магия имени

В. Г. Кнорринг

Имя города — это не просто набор произносимых звуков или написанных на бумаге букв. Это, во-первых, памятник истории; во-вторых, предмет повседневного употребления; в-третьих, своего рода произведение искусства, вызывающее определенные эмоции. Посмотрим, как с этих трех точек зрения выглядит переименование Ленинграда в Санкт-Петербург.

Прежде всего — произошло ли «возвращение исторического имени»? При советской власти мы, ленинградцы, гордились тремя именами нашего города.

Это имя как гром и как град:

Петербург, Петроград, Ленинград.

Вспомним, сколько выпускалось значков с этими тремя именами, сколько почтовых конвертов с такими надписями... Вот *эта триада имен и была памятником истории* — той истории, которая закономерно сменила первое имя на второе, а второе — на третье.

И она была варварски разрушена переименованием. По праздничным дням власти, не зная, как нас назвать, лепечут: «петербуржцы, ленинградцы... питерцы...». Действительно — мгновенно вернулся жаргонный «Питер», потому что настоящее имя города, по сути дела, пропало, было утеряно. Народную речь не обманешь, она неопровержимо свидетельствует о том, что город потерял свое гордое имя. Итак, город с тремя именами стал городом без имени.

Далее — насколько удобен «Санкт-Петербург» в качестве повседневного употребляемого слова? Можно однозначно ответить: абсолютно неудобен. Ленинград на всех иностранных языках выглядел на письме так, как слышался; Санкт-Петербург пишется по-разному, да еще некоторые буквы не произносятся. Это надо специально запоминать. Житель и жительница Ленинграда назывались совершенно определенно: ленинградец, ленинградка. Парой к «санкт-петербуржцу» почему-то оказывается то «санкт-петербуржка», то «санкт-петербурженка»; и неизвестно, какой из этих двух вариантов труднее произнести.

Ленинград хорошо позволял образовывать сокращенные слова: Ленсовет, Ленэнерго, ЛЭТИ, ЛИАП, и т.д.,

вплоть до «Ленвеста». Многие еще помнят веселую студенческую пьесу Гиндина, Рябкина и Рыжова с музыкой молодого Колкера «Весна в ЛЭТИ». Если бы сейчас в том же вузе появились авторы такой же одаренности (чего, скорее всего, не произойдет), могла бы появиться пьеса «Весна в СПбГЭТУ»? Да ни за что на свете!

Послереволюционная реформа правописания ликвидировала твердый знак в конце слов и другие лишние буквы, что, между прочим, дало экономию бумаги и типографской краски. Кто-нибудь считал, сколько лишней краски уже ушло и продолжает уходить на печатание одних только «СПб.» вместо «Л.» в списках литературных источников учебников и монографий?

А языколомное сочетание звуков «нкп», за которым следуют еще и «рб» и «рг»? Кто осмелится сказать, что это удобно в повседневном пользовании?

Наконец, самое главное и самое таинственное. Это сложно объяснить, но это факт: Ленинград воспринимался ленинградцами, да и не только ими, как нечто родное и близкое. Не счастье песен и стихов, в которых это зафиксировано. «Ленинград мой, милый брат мой...»; «Доброй ночи, родной Ленинград...». Список можно продолжать без конца; можно добавить к нему стихотворения для детей: «Как я рад, как я рад, что поеду в Ленинград...»; можно вспомнить и знаменитые строки Джамбула «Ленинградцы, дети мои!». Даже ленинградский дождь приносил радость: «Вижу родные и мокрые лица...». А уж ленинградские номера автомобилей после разлуки с городом как воспринимались! А присловье военного времени «братцы-ленинградцы»?

Помню, как нас, эвакуированных ленинградцев, встречали в 1941 году в Магнитогорске. Две одинокие женщины, занимавшие по комнате в двухкомнатной квартире, без единой жалобы переехали в одну комнату, уступив нашей семье другую и прекрасно уживаясь с нами в небольшой общей кухне. Ведь мы были ленинградцами!

Ленинград был городом ученых, инженеров, артистов. «Мой город — строитель, мой город — солдат...». Ленинградский характер, ленинградс-

кий стиль, ленинградская культура, ленинградское качество — все это не требовало пояснений. Ленинград *никогда ничего не просил*, но всегда отдавал, даже во время блокады работал, производя оружие — и не только его!

А Санкт-Петербург? Сколько уже времени клянчит звание какой-нибудь столицы — хоть культурной, хоть пивной, какой угодно. А какая же это культурная столица, если молодежь рядами усаживается на спинки садовых скамеек, ставя ноги на сиденья? Если водители не обращают ни малейшего внимания не только на «зебры» со стоящими на них пешеходами, но порой и на светофоры? Если вам на входе в метро влепят со всего размаха дверь в лицо? Нет, подай этому Санкт-Петербургу звание столичного города!

Санкт-Петербург — город чиновников и торговцев. У Пушкина: «Встает купец, идет разносчик...». У Некрасова: «Государь мой, куда вы спешите? — В канцелярию, что за вопрос?»

Действительно, что за вопрос, если дело происходит в Санкт-Петербурге? Попытки написать песню о Петербурге приводят только к жеманным воздыханиям: «Ах... ах... ах... ах... ах, этот бал в Петербурге...». Петербургские бандиты, петербургские трущобы, петербургские нищие — вот подходящие сочетания слов. Назвать Санкт-Петербург братом невозможно; вот «Черный пес Петербург» почему-то звучит нормально.

Ленинград всегда шел вперед. Переименование в Санкт-Петербург стало крупнейшим и позорнейшим отступлением города за всю его историю. Конечно, значительная часть вины здесь лежала на Собчаке, для которого наш город был чужим, но ведь и коренные ленинградцы не встали стеной и позволили совершиться этому отступлению!

Что за магия заключена в имени Ленинград, и почему оно звучит светло и радостно, в то время как Санкт-Петербург пахнет не то стеариновыми свечками, не то плесенью, — может быть, скажут лингвисты? Вряд ли причина просто в том, что в имени Ленинград все согласные звонкие, а в Санкт-Петербурге слышится некоторое бурчание. Но факт наличия этой магии невозможно отрицать.